

Столяров А.А.

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии Российской академии наук, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
E-mail: a.stoliarov@mail.ru

«Еврейский вопрос» в зеркале античной философии

Аннотация: Данная статья посвящена «еврейскому вопросу» – насколько он может быть проиллюстрирован текстами античных философов и близких к ним авторов, – и основана на собраниях текстов Т. Рейнаха и М. Штерна. Как полагает автор статьи, антисемитизма как целенаправленной политики в античности не было. Если сопоставить позицию античного философского и околофилософского социума с отношением к евреям и иудаизму прочих античных интеллектуалов, то она в позитивном своем аспекте отличается более высоким уровнем рефлексии и, в частности, стремлением находить в иудаизме и монотеистической парадигме продуктивные элементы. Такой позиции придерживались многие представители платонической и пифагорейской традиции, особенно Нумений из Апамеи. Данную позицию, по мнению автора, можно считать в историко-философском плане гораздо более внимательной, а в историко-культурном – принципиально толерантной.

Ключевые слова: Античная философия, пифагореизм, платонизм, евреи, иудаизм, античный «антисемитизм», С.Я. Лурье, Т. Рейнах, М. Штерн.

Эту статью я посвящаю памяти Соломона Яковлевича Лурье (1890–1964), – выдающегося знатока античной истории, литературы, науки и философии, автора до сих пор не превзойденного собрания фрагментов Демокрита. Неважно, что «круглого» юбилея нет; важно то, что он сделал и о чем помогает нам думать до сих пор. Я имею в виду, конечно, не все наследие Лурье, а вполне определенную и специфическую его часть. В 1922 г. в Петрограде вышла первая значительная работа С.Я. Лурье, «Антисемитизм в Древнем мире» (под «Древним миром» он понимает греко-римскую античность)¹. Существует еще одно издание с авторской правкой и дополнениями, сделанными в 1923 г.; его следует считать наиболее полным и в наибольшей мере выражающим авторский замысел². В молодые годы Лурье волновало то обстоятельство, что русское еврейство больше всего страдало от антисемитизма, обострившегося в силу разных обстоятельств того времени. Поэтому данную его работу следует считать весьма важной как для научного, так и для национального самосознания С.Я.Лурье³. А для меня она послужит отправным пунктом.

I. Прологомены – источниковедческие и общетеоретические

Уважение, которое я питаю к С.Я. Лурье, не станет препятствием для критических замечаний в его адрес, когда таковые потребуются. Как мы убедимся, ученый, который в большинстве прочих своих исследований придерживался строго рационального подхода, в данном вопросе порой впадал в запальчивость, граничившую с откровенной непоследовательностью. Самая общая моя презумпция состоит в том, что Лурье не остался совершенно независимым от штампов своего времени и задним числом экстраполировал на античность такое поня-

¹ Лурье С.Я. Антисемитизм в Древнем мире. Попытки объяснения его в науке и его причины. Петроград, 1922.

² Этот текст опубликован в издании: Лурье, Соломон. Антисемитизм в Древнем мире. Попытки объяснения его в науке и его причины. Изд. 2-е, испр. и доп. автором / Подг. текста, предисл. и комм. И.А. Левинской. М.; Иерусалим, 2009. Именно на это издание я и буду ссылаться.

³ К этому следует добавить и такое откровенное признание С.Я. Лурье: «Автор имеет счастье или несчастье быть, по общему мнению всех, знающих его, одним из типичнейших представителей еврейского племени во всех решительно отношениях» (С. 43).

тие, как «антисемитская литература»⁴; этот вопрос имеет свою историю, и подробнее об этом мы поговорим ниже.

Однако не является ли «философская» рефлексия по поводу «еврейского вопроса» феноменом слишком надуманным, чтобы о нем вообще можно было вести речь? Скажу пока лишь одно: в попытке заговорить о «философской» рефлексии я не вижу ничего заведомо недопустимого, – но при одном важном уточнении: под такой рефлексией следует понимать не «метафизическую» позицию (которая отчетливо просматривается лишь в меньшинстве случаев), а феномен по преимуществу социологический, т. е. отношение античного философского и околофилософского социума (если постулировать его существование) к евреям и «еврейскому вопросу».

Лурье и Рейнах. Посмотрим сначала, как созрел замысел Лурье. По его словам, он «случайно в это время наткнулся на книгу Th. Reinach'a»⁵, и «с удовольствием увидел, что данные эллинистической эпохи подтверждают те выводы», которые он «сделал, изучая современность»; так он получил «повод приступить к настоящей работе»⁶.

Здесь нужно сказать несколько слов о заслугах родившегося во Франции историка и филолога еврейско-немецкого происхождения Теодора Рейнаха (которого Лурье на французский манер именует Рейна́ком). Попытки собирать подобные тексты предпринимались и раньше⁷, но вряд ли они заслуживают сейчас большого внимания, поскольку работа Рейнаха обозначила новый уровень подхода к данному вопросу. Прежде всего, Рейнах наметил границы источниковедческой базы. По его мнению, сколько-нибудь релевантные греческие тексты появляются не раньше эпохи Александра Македонского, а латинские – не раньше Цицерона. Мнимые упоминания о евреях ранее этих хронологических рубежей – плоды ошибочной интерпретации⁸ (хотя сам Рейнах все же начинает с Геродота). Разумеется, тексты эллинизированных еврейских авторов (таких, как Иосиф Флавий) не принадлежат ни к одной из этих двух категорий. Поэтому меня,

⁴ Лурье С. Антисемитизм в Древнем мире. С. 10.

⁵ Textes d'auteurs grecs et latins relatifs au Juifs et Judaism, réunis, traduits et annotés par Théodore Reinach. Paris, 1895.

⁶ Лурье С. Антисемитизм в Древнем мире. С. 43.

⁷ Напр., *Judaica, seu veterum scriptorum profanorum de rebus judaicis fragmenta* / Coll. Fr. C. Meier, 1832; *Gill J. Notices of the Jews and their Country by the Classic Writers of Antiquity*, London, 1872.

⁸ Reinach Th. Textes d'auteurs grecs et latins relatifs au Juifs et Judaism. P. VII.

как и Рейнаха, естественно, будут интересовать только авторы не-еврейского происхождения, мнения которых единственно и могут в данном случае служить предметом анализа.

Во временных рамках, лишь примерно установленных для греков, а для римлян сразу точно определенных, иудаизм как мировоззрение и образ жизни стал, полагает Рейнах, заметным предметом вполне сознательного «внимания историков, философов, полемистов и сатириков, и, пожалуй, нельзя найти почти ни одного видного писателя, который не затронул бы эту тему хотя бы мимоходом»⁹. Тут нужно заметить, что Рейнах несколько преувеличивает: найти таких «видных писателей», конечно, можно. У греков это, скажем, Платон, Ксенофонт, Исократ, Демосфен, Менандр Афинский, ранние стоики, Афиней, Плотин, Фемистий; у римлян «молчальников» тоже хватает (несмотря на особую и острую специфику римско-иудейских отношений): римские драматурги, Лукреций (почти наверняка), Цезарь, Вергилий, Плиний Младший, и, возможно, Марк Аврелий. Однако их молчание не может существенным образом сказаться ни на конечных выводах Рейнаха, ни тем более на моих. Задачу усложняет не молчание отдельных авторов, а «немота» или безразличие многих текстов, т. е. отсутствие оценочных суждений или хотя бы приблизительно понятной авторской позиции.

Самое главное, Рейнах четко сформулировал общую позицию, которая, безусловно, оказала влияние и на Лурье, и на современных нам израильских авторов, посвятивших свои работы отношениям между евреями и эллинистическим миром. Основная задача, как он ее понимал, – проследить нюансы отношения греков и римлян к евреям на протяжении без малого тысячи лет: «Мнения находят выражение в чувствах; чувства рано или поздно превращаются в дела. Установить, что именно греки и римляне думали о евреях, значит объяснить, как они относились к евреям. Кроме того, мнения древних об иудаизме... в определенной мере повлияли... на позицию христианской церкви и современных государств»¹⁰. Следует учитывать, продолжает Рейнах, что дошедшие до нас тексты принадлежат, естественно, людям образованным, а следовательно, более или менее обеспеченным; поэтому мнения философов и литераторов могут значительно отличаться от тех чувств, которые питали к евреям рядовые члены античного общества. Нет никаких оснований предполагать, считал Рейнах, что люди

⁹ Ibid.

¹⁰ *Reinach Th. Textes d'auteurs grecs et latins relatifs au Juifs et Judaism. P. IX.*

образованные были заведомо враждебны евреям. Что в основном не были, это, видимо, правда. Но что некоторые образованные люди такую враждебность питали, – это тоже правда. Причин тому две: «партикуляризм религиозный и партикуляризм социальный», то есть, проще говоря, желание хранить традиционный уклад жизни и не подлаживаться ни под кого.

Запомним эту формулировку, которая является если и не первым, то максимально четким объяснением, – особенно веским в устах автора, который специально занимался этой темой и имел для того особые личные основания. Такая оценка позиции евреев (вполне естественная и даже, можно сказать, тривиальная) сложилась уже во времена античности и стала нормативной для всей последующей литературы вопроса. Эту оценку Лурье формально отвергает, но фактически признает; она, как мы увидим, если не буквально воспроизводится, то до сих пор доминирует в работах еврейских авторов. Стало быть, мы имеем все основания считать ее в основном правильной, – с учетом того, что она исходит от вполне определенной и, скажем так, компетентной группы авторов, как внешних, так и собственно иудейских, которым хотя бы какой-то мере свойственна авторефлексия; для античных времен это, например, Аристокл, Филон Александрийский, Иосиф Флавий.

Поскольку вторая форма партикуляризма, т. е. партикуляризм социальный, является, собственно, лишь разновидностью первой, религия, конечно, имеет главное значение (во всяком случае, в своих практических предписаниях). *Gens contumelia numinum insignis* («народ, известный пренебрежительным отношением к [чужим] богам»¹¹) – такая характеристика в республиканские римские времена была бы достаточным основанием обвинить евреев в атеизме, а в императорское время служила несомненным основанием обвинить их в непризнании божественного статуса императора, что было еще хуже. Для Апиона в изложении Иосифа Флавия евреи были худшими безбожниками, – но суть в том, что быть безбожником означало попирать идеологические устои государства. Как гласит книга «Эсфирь», Аман сказал царю Артаксерксу: «Есть один народ, разбросанный и рассеянный по всем областям царства твоего; и законы их отличны от законов всех народов, и законов царя они не выполняют»¹². Хотя в целом евреи вели себя достаточно лояльно, пока дело еще не дохо-

¹¹ *Плиний Старший*. Естественная история, XIII 47.

¹² «Книга Есфири», 3,8, рус. синодальный пер.

дило до крупных восстаний, греко-римское общество регулярно предъявляло им обвинение в «недружественности», близкой к политической неблагонадежности. «Таковы были два главных источника плохого отношения к евреям в античности... Все прочее – лишь вторичные следствия». Ни чисто этническая, ни экономическая неприязнь, развившаяся разве только в Средние века, во времена античности не была решающим фактором¹³. Эти положения Лурье воспроизводит в полной точности.

Рейнах классифицирует свидетельства по языковому принципу: в греческом разделе 125 текстов (65 авторов от Геродота до Дамаския), в латинском – 91 текст (39 авторов от Цицерона до Намациана). Можно, конечно, посетовать на то, что его собрание не является исчерпывающе полным; но если и так, это обстоятельство не влияет существенно на общую концепцию и аргументированность отбора текстов. Весьма показательно, что неполнота издания Рейнаха совершенно не волновала Лурье применительно к его собственным задачам; скорее, он заметил бы недостатки концепции Штерна (доведись ему с ней познакомиться), – о которой мы вскоре поговорим. Просмотрев рецензии на издание Рейнаха, Лурье, по его словам, обнаружил «длинный список пропущенных Рейнахом мест, но... ничего интересного для моей темы не нашел»¹⁴, – то есть, с точки зрения Лурье, принципиально важных упущений не было. Что касается меня, то в дальнейшем я, пожалуй, все же рискну кое в чем упрекнуть Рейнаха и сделать некоторые комплименты его продолжателю Штерну.

Рейнах и Штерн. Сейчас самое время сказать несколько слов о том, какое продолжение имело начинание Рейнаха и с чем его целесообразно сравнить. Хотя Рейнах фактически сделал основную работу, уже в те времена стало ясно, что его труд может быть дополнен (пусть и не принципиально) целым рядом текстов – особенно с учетом новых изданий древних авторов и новых к ним комментариев. И вот тут на сцену выступает профессор Иерусалимского университета Менахем Штерн. Штерн руководствуется одним главным принципом: максимальная внешняя репрезентативность. Поэтому он включает и тексты, относящиеся к евреям диаспоры, но вместе с тем исключает те тексты Рейнаха (например, таких авторов, как Герил Самосский или Фрасилл), которые считал нерелевантными для данного собра-

¹³ *Reinach Th.* Textes d'auteurs grecs et latins relatifs au Juifs et Judaism. P. XV–XVI.

¹⁴ Лурье С. Антисемитизм в Древнем мире. С. 49.

ния¹⁵. В первом томе содержатся тексты от Геродота до Плутарха, во втором тексты от Тацита до Симпликия, в третьем – дополнения и указатели¹⁶. Чем же именно различаются позиции двух авторов? Селективному принципу Рейнаха (пусть тоже не вполне безупречному) свойственна та разумная умеренность, которая единственно уместна при отборе действительно релевантных текстов. Новое издание отнюдь не всегда лучше старого. Издание Штерна способно ввести в заблуждение и в ряде случаев этого достигает – порой за счет откровенной мистификации.

Возьмем такой показательный пример, как текст неопифагорейца Окелла Луканского (видимо, II в. до н.э.); Рейнах его не приводит – и поступает, с моей точки зрения, совершенно правильно. Вот суть этого текста: соитие должно происходить не ради наслаждения, а ради продолжения рода человеческого, дабы мир был наполнен людьми и, самое главное, людьми добродетельными. По этому поводу Штерн замечает: «Нет сомнения, что первая глава Книги Бытия стояла перед мысленным взором Окелла Луканского» (fr. 40 Stern, p. ref.). Во-первых, сомнение есть и оно даже неизбежно, поскольку доказать утверждение Штерна невозможно. Во-вторых, евреев Окелл не упоминает ни единым словом. Встает резонный вопрос: что нам сообщает этот текст и зачем вообще он нужен в данном собрании? Из числа авторов, отвечающих критериям моей задачи, Окелла, конечно же, следует по сути дела исключить (хотя формально в этом ряду он остается).

Если сравнить процесс накопления текстов (это достаточно легко, пока у Штерна не появляется первый латинский автор, Лукреций), то

¹⁵ Эти тексты действительно неинформативны, но в данном случае Штерн изменил своему собственному принципу.

¹⁶ Greek and Latin Authors on Jews and Judaism / Ed. with Introd., Transl. and Comm. by Menachem Stern. Vol. I–III. Jerusalem, 1974–1984. В русском переводе этой работы материалы трех томов Штерна были под руководством Н.В. Брагинской творчески сведены к двум по титулу, но фактически к тем же трем томам, – только с несколько иным расположением дополнений и указателей (см. библиографию). Своим непосредственным предшественником Штерн называет Ханса Леви (1901–1945), который учился у известного профессора классической филологии университета Бреслау Эдуарда Нордена, а затем преподавал римскую литературу в Еврейском Университете в Иерусалиме. Однако Леви рано умер и оставил после себя лишь разрозненные рукописи и пометки на текстах Рейнаха. По словам Штерна, в 1959 году друг Леви профессор Гершом Полем передал в его распоряжение все эти материалы (Stern, Vol. I, p. XIV–XV).

поначалу Штерн не слишком опережает Рейнаха. Скажем, текст Посидония (точнее, текст, излагающий его мнение) идет у Рейнаха под № 25, а у Штерна – под № 44. Затем разрыв неуклонно нарастает и в итоге становится по авторам почти двукратным, а по текстам почти трехкратным. Если взять план композиционный, то Штерн, в отличие от Рейнаха, не стал делить тексты на греческие и латинские, а разместил их совместно в хронологическом порядке. У такой структуры есть как достоинство, так и недостаток. Достоинство состоит в том, что хронологическую последовательность и колебания интенсивности свидетельств (т. е. их насыщенности и языковой принадлежности по периодам) представить легче. Например, по Штерну сразу видно, что в период от Лукреция до Плутарха римские авторы по количеству свидетельств заметно преобладают над греческими. Недостаток же в том, что менее наглядно предстает специфика позиций греческих и латинских авторов.

Нужно сказать, что отчетливо выраженная рефлексия по «еврейскому вопросу» встречается лишь в меньшинстве текстов. Большинство – тексты в плане рефлексии «немые». Суть их такова: передают, что там-то и там-то было то-то и то-то; географические условия такие-то; сейчас происходит то-то, и это якобы имеет отношение к евреям, а евреи тогда-то или сейчас поступали или поступают так-то и так-то. Именно эта «немота» присутствует в многочисленных текстах, добавленных Штерном, который явно утратил чувство меры в своем стремлении к максимальной полноте свидетельств¹⁷. В подобных текстах *отношение* античных авторов к евреям и иудаизму совершенно не просматривается, а евреи и еврейский вопрос как предмет особого внимания существуют преимущественно в воображении самого Штерна.

Разумеется, «немые» тексты есть и у Рейнаха, но их гораздо меньше. Проведем небольшой экскурс. Геродот (II 104, 2–3 = fr. 1 R = fr. 1 St) сообщает, что живущие в Палестине сирийцы заимствовали обычай обрезания у египтян. Под «палестинскими сирийцами» Геродота, видимо, следует понимать евреев. Аристотель в «Метеорологике» (II 3, 359 а 16 сл. = fr. 4 R = fr. 3 St) упоминает (правда, не без со-

¹⁷ Каждому из просто перечисленных Иосифом Флавием (Против Апиона) «эллинистических историков», якобы писавших о древности иудейского народа (Аристофан, Гермоген, Евгемер, Зопирион, Конон, Мнасей, Феодот, Феофил) Штерн отводит отдельный номер, т.е. просто 8 раз повторяет один и тот же текст.

мнения) озеро в Палестине, в котором нельзя утонуть; явно это Мертвое море. Видимо, о нем же ведут речь Гиероним из Кардии (fr. 10 St) и Ксенофил (fr. 22 St), тексты которых Рейнах не помещает. Феофраст, из которого Рейнах скромно приводит два фрагмента (fr. 5–6 R), а Штерн – целых шесть (fr. 4–9 St) сообщает преимущественно об обычаях и растительности Финикии и Сирии, причем евреев упоминает только один раз. Полемон из Илиона сообщает (fr. 15 R = fr. 29 St), что некогда часть египетского войска, изгнанная из Египта, поселилась в Палестине. От Агатархида Книдского (fr. 16 R = fr. 30 ab St) мы узнаем, что существует такой народ, иудеи, и у них есть большой город Иерусалим. Из ничего не говорящих сообщений Полибия в изложении Иосифа Флавия Рейнах (fr. 21 R) приводит лишь одно, а Штерн три (fr. 31–33 St).

Кратко говоря, из 32 авторов у Штерна (хронологическая периодизация которого, нужно сказать, весьма произвольна) от Геродота до Диодора Сицилийского (I в. до н.э.), тоже писавшего в числе прочего о Мертвом море (fr. 35 R = fr. 59, 62 St), лишь считанные выражают какое-то отношение к евреям. Но, может быть, такая картина характерна только для греческих авторов этого периода? Отнюдь нет. Следующий у Штерна сразу за Диодором Лукреций (fr. 67 St; этот текст Рейнах не помещает), в четырех строках (VI 756–759) всего лишь сообщает о некоем водоеме в Сирии, испарения которого губительны для всего живого. Римских авторов в период от Лукреция до Плутарха, как мы отмечали, в списке Штерна уже заметно больше, чем греческих. И опять же, четкую личную позицию мы находим лишь в немногих случаях. Цицерона, скажем, евреи сами по себе совершенно не интересовали; упоминал он о них только мимоходом в связи с конкретными событиями, но его спорадические общие высказывания временами звучали довольно презрительно (напр., О консульских провинциях V 10; В защиту Флакка 28,66). Плиний Старший позволил себе лишь одно (приведенное выше) обобщение, но, как и следовало ожидать, основное внимание уделил природным особенностям Иудеи. Плутарх, замыкающий этот раздел, упоминает события, связанные с евреями, и особенно подробно рассуждает о том, почему евреи не едят свинину. На этом фоне заметно выделяются разве что Страбон и Апион.

Похожая картина наблюдается и в период от Тацита до Симпликия. Предубежденность Тацита выражена им вполне четко и сомнений не вызывает. А вот, скажем, Ювенал или Светоний никаких осо-

бых резкостей себе не позволяют. Эпиктет в изложении Арриана выражает свое отношение более завуалировано, но, впрочем, вполне понятно, и это отношение можно считать даже положительным. Секст Эмпирик говорит лишь о воздержании от свинины, Павсаний занимает позицию объективного описателя, фрагмент Апулея можно толковать как угодно. И лишь Нумений в своем восторженном отношении к Моисею не имеет аналогов во всей греческой литературе. Лукиан и Элий Аристид выражаются весьма туманно, Гален лишь мимоходом отмечает упрямство христиан и евреев, Диоген Лаэртий упоминает евреев лишь в связи Клеархом из Сол, Александр Афродисийский в комментарии на «Метеорологику» пересказывает сообщение Аристотеля о Мертвом море, Дион Кассий придерживается позиции объективного историка, Солин описывает природу Иудеи. А вот Порфирий относится к евреям не без симпатии и вместе с Ямвлихом, Сирианом и Проклом включает иудейского бога в свою теологию. Юлиан относится к евреям достаточно сдержанно, а Намациан – насмешливо и презрительно. Разумеется, я перечисляю лишь немногих авторов из списка Штерна. Специально о философах и около-философских авторах мы поговорим ниже.

Однако и этот краткий перечень позволяет заключить: если мы подсчитаем все примеры четко выраженных личных позиций, мы увидим, что всплески рефлексии и в этот период встречаются нечасто. По подсчетам, которые я заимствую у И.А. Левинской, а она – у Луи Фельдмана¹⁸, 18% (101 текст) в собрании Штерна благожелательны, 59% (339 текстов) более или менее нейтральны и 23% (130 текстов) недоброжелательны. По хронологии это распределяются так: в период от Геродота до Плутарха 16% доброжелательны, 60% нейтральны и 24% недоброжелательны, в период от Тацита до Симпликия 20% доброжелательны, 59% нейтральны и 21% недоброжелательны, т. е. пропорция остается примерно той же самой. Подсчеты Фельдмана, конечно, приблизительны и субъективны, как и все классификации такого рода, но, в общем и целом, соответствуют тому впечатлению, которое сложилось у меня, – в отношении, прежде всего, «нейтральных» текстов. Собственно, это характерно для всего

¹⁸ И.А. Левинская ссылается на статью: *Feldman L.H. Anti-Semitism in the Ancient World // History and Hate: The Dimensions of Anti-Semitism / Ed. D. Berger, Philadelphia, 1986. P. 30, n. 46 (Левинская И.А. Предисловие // Лурье С. Анти-семитизм в Древнем мире. С. 28)*. Эта статья не включена в библиографию, поскольку я не использую ее непосредственно.

ряда свидетельств от Геродота до Симпликия¹⁹. Какая пропорция будет характерна для репрезентативной философской группы, мы увидим ниже. Поэтому я вполне согласен с И.А. Левинской, считающей, что еврейский вопрос «не занимал в древности того места, которое приписывал ему С.Я.Лурье»²⁰, – однако продолжаю настаивать на том, что вполне определенное место он все же занимал.

Первое, пусть и небольшое, но самое важное обобщение таково. Из всех приведенных у Штерна авторов к философам или авторам с околофилософскими интересами можно отнести следующих греков и римлян: Аристотель, Феофраст, Гекатей Абдерский, Клеарх из Сол, Окелл (?), Посидоний, Лукреций (?), Цицерон, Николай Дамасский, Страбон, автор трактата «О возвышенном», Сенека, Клеомед, Эпиктет, Плутарх, Арриан, Марк Аврелий (?), Секст Эмпирик, Нумений, Кельс, Гален, Александр Афродисийский, Порфирий, Ямвлих, Юлиан, Саллюстий, Сириан, Прокл, Дамаский, Олимпиодор, Симпликий. По отношению к общему числу авторов у Рейнаха этот список составил бы чуть меньше 30%, а у Штерна составляет меньше 15% (но нужно учесть поправку на «размашистость» Штерна). Это, конечно, небольшая и не слишком репрезентативная группа, но выделить ее все же можно. К тому же, следует учитывать и наличие значительного количества «немых», или «нейтральных», текстов.

«Еврейский вопрос» в античности. Вернемся в этой связи к прерванной нити нашего повествования – к вопросу о причинах существования в античные времена еврейского вопроса или, по мнению Лурье, антисемитизма. На сей счет тоже существуют разные мнения. В принципе, вопрос о том, следует ли и допустимо ли называть проявления отрицательного отношения к евреям в античности «антисемитизмом», для моих целей не имеет принципиального значения, и я упоминаю его лишь в связи с общей концепцией Лурье.

Нужно сказать, что весьма влиятельная партия исследователей не считает возможным распространять понятие «антисемитизм» на

¹⁹ Следует учесть, что многие тексты заимствованы из трактата Иосифа Флавия «Против Апиона», где мнения различных авторов (таких, в частности, как Клеарх из Сол, Берос, Манефон, Гермипп Смирнский, Агатархид Книдский, Полибий, Менаандр Эфесский и т.д.) приводятся в изложении и интерпретации Иосифа Флавия. К этим сообщениям, учитывая идеологическую ангажированность Иосифа Флавия, следует относиться с осторожностью.

²⁰ *Левинская И.А.* Предисловие. С. 29.

античность²¹. К числу представителей этой партии относится, в частности, известный русско-французский историк Лев (Леон) Поляков. В первом томе своей монументальной «Истории антисемитизма» он отводит языческой античности всего полтора десятка страниц и приходит к следующему выводу: «В эпоху античного язычества лишь эпизодически удается обнаруживать те массовые вспышки страстей, которые сделают в дальнейшем участь евреев столь суровой и полной опасностей. Добавим к этому, что, как правило, Римская империя в эпоху язычества не знала “государственного антисемитизма”... Единственным исключением были антиеврейские эдикты, изданные Адрианом в 135 г. после восстания Бар-Кохбы и отмененные его преемником Антонином три года спустя. С другой стороны, интерес современников, и особенно “интеллектуалов” того времени, вызывали специфические... черты иудаизма. Этот интерес колеблется между двумя полюсами: его отталкивает еврейский партикуляризм и привлекает религиозный монотеизм»²².

Я не хочу создавать впечатление, будто я самостоятельно и глубоко занимался этим и последующим вопросами, а потому заранее предупреждаю, что в их освещении полагаюсь главным образом на материал, компактно собранный, корректно изложенный и проанализированный И.А. Левинской²³. Сама она относится к числу исследователей, считавших, что термин «антисемитизм» к античности применять не следует. По ее мнению, к которому я охотно присоединя-

²¹ Поляков Л. История антисемитизма. Эпоха веры. 2-е изд. М.; Иерусалим, 2008, С. 21. Из недавних русских работ, посвященных еврейскому вопросу в античности, упомяну книгу Грушевого, чье мнение тоже этой позиции соответствует: «Все антииудейские выпады в жизни античных обществ и в творчестве греческих и римских авторов нельзя называть антисемитизмом, если иметь при этом в виду характерную для современности и являющуюся своего рода концепцией высшую форму антииудейских настроений... Для языческого времени мы имеем дело не более чем с аристократической ксенофобией и высокомерным презрением аристократа к инородцу, что отражало взгляды отдельных представителей очень узкого круга образованной элиты и могло находить какой-то отклик у тех, кто тянулся к знаниям и интересовался литературными новинками» (Грушевой А.Г. Евреи и иудаизм в истории Римской республики и Римской империи. СПб., 2008, С. 10). Не могу сказать, что я во всем согласен с выводами Грушевого, но его общая презумпция, на мой взгляд, более корректна, чем таковая у Лурье и даже у Ави Авидова (чье мнение я приведу ниже).

²² Поляков Л. История антисемитизма. С. 21.

²³ Левинская И.А. Предисловие. С. 13 сл.

юсь, «как только термин “антисемитизм” становится универсальным, применимым ко всем эпохам, он начинает определенным образом воздействовать на мысль исследователя и заставляет искать (и находить) в прошлом то, чего там не было. Классического расизма, имплицитно подразумеваемого термином “антисемитизм”, в античности не существовало»²⁴. То, что называли «антисемитизмом», «юдофобией», «ненавистью к евреям», «не представляет собой единого явления, зародившегося в древности и существующего в неизменном виде вплоть до настоящего времени». Если говорить о древности, то важным фактором стало появление христианства и христианского антииудаизма, который во многом подготовил путь для появления расистского антисемитизма» (С. 17). «Считая антисемитизм некоей исторической константой..., он обратился к своему личному опыту не только для объяснения причин антисемитизма, но и для прочтения античных свидетельств. В результате в его книге появляется совершенно нереалистичная и не имеющая опоры в древних источниках поляризованная картина античного мира, который делится на две части: антисемитов и евреев» (С. 28). В этом плане как И.А. Левинская, так и я являемся программными антиподами Лурье.

Необходимо учитывать, что термин «антисемитизм» имеет два главных смысловых оттенка: 1) целенаправленная государственная политика на основе четкой идеологии и 2) неприязнь на чисто бытовом уровне. Эти два аспекта могут быть взаимосвязанными и взаимозависимыми. Однако считать их равно применимыми к античному контексту, как я уже говорил, вряд ли можно, поскольку античный «антисемитизм» не имел (как справедливо отмечали Авидов и другие современные израильские авторы) того идеологически концентрированного и, главное, политически организованного характера, какой он начал приобретать в Средние века и окончательно приобрел в XIX–XX вв. «Социальная маргинализация» и бытовой «антисемитизм» – явления, во всяком случае, не однопорядковые. Поэтому я ограничусь нейтральным термином «еврейский вопрос», который считаю наиболее уместным. Но все эти терминологические корректировки никак не отменяют того объективного обстоятельства, что еврейский вопрос все же существовал.

Другой и тоже на первый взгляд по преимуществу терминологический вопрос, – в котором я тоже полагаюсь на материал, собранный

²⁴ Левинская И.А. Предисловие. С. 16.

И.А. Левинской, – это первичная концепция объяснения причин антиеврейских настроений в античности. Кристхард Хоффманн²⁵ предложил такую классификацию: тех, кто видит причины негативного отношения к евреям в образе жизни самих евреев, он именуется «субстанционалистами», а тех, кто склонен усматривать причины этого отношения в спровоцированных евреями локальных конфликтах, – «функционалистами»; при всей условности такой классификации она имеет определенный смысл. Лурье, несомненно, относится к первой категории, которая наиболее весома и многочисленна; в ее рядах такие, например корифеи, как Теодор Моммзен и Эдуард Майер; к этой же партии принадлежит, разумеется, и не последнее место в ней занимает Т. Рейнах. О второй (к которой принадлежал критик Лурье Бикерман²⁶) я по недостатку необходимости и места говорить не буду. Мы проследим авторитетность этих позиций на работах современных израильских историков. А пока вернемся к ходу мыслей Лурье.

Лурье о причинах антисемитизма. Начинает он, на мой взгляд, с совершенно справедливой и многими веками проверенной посылки, – собственно, с той же посылки, которой придерживался и Рейнах. «Причина антисемитизма лежит в самих евреях, – иными словами, что антисемитизм, – явление не случайное, что он коренится в разнице между всем духовным обликом еврея и нееврея»²⁷. Новизна субъективная и потому сомнительная, которую приписывал своей точке зрения Лурье по сравнению с многими предыдущими авторами, базировалась на следующей естественной презумпции: «Как я уже сказал, я определенно примыкаю к той группе ученых, которые... делают вывод, что антисемитизм возник не вследствие каких-либо временных или случайных причин, а вследствие тех или иных свойств, постоянно соприсущих еврейскому народу. Поэтому необходимо отвергнуть объяснение антисемитизма случайными экономическими, религиозными или политическими конъюнктурами» (С. 45). «Постоянной причиной, вызывавшей антисемитизм, по нашему мнению, была та особенность еврейского народа, вследствие которой он, не имея ни своей территории, ни своего языка и будучи разбросанным

²⁵ Hoffmann Ch. Juden und Judentum im Werk deutscher Althistoriker des 19 und 20 Jahrhunderts. Leiden, 1988.

²⁶ См. Бикерман Э.Дж. Евреи в эпоху эллинизма. М.; Иерусалим, 2017.

²⁷ Лурье С. Антисемитизм в Древнем мире. С. 43, ср. С. 189.

по всему миру, тем не менее... оставался национально-государственным организмом» (С. 47).

Запомним и эти формулировки. Тут нужно заметить, что весьма значительное время еврейский народ имел свою территорию и государственность (в том или ином виде), а свой язык сохранил и сохраняет поныне. Непонятно, однако, как он мог, будучи разбросанным по миру, оставаться «национально-государственным организмом». «Но не нужно таких априорных аналогий для того, чтобы придти к выводу, что причины, вызывавшие антисемитизм в древности и ныне – одни и те же. В этом мы убедимся из изолированного изучения обоих рядов явлений. Вдобавок, ведь, и причина современного антисемитизма – вещь спорная и неясная; в древнем мире общественные отношения значительно проще, и самый антисемитизм еще только появляется. Поэтому и установить причины античного антисемитизма должно быть легче и проще, чем причины нынешнего, и наоборот, следует ожидать, что, установив эти причины, нам будет легче разобраться и в причинах современного антисемитизма» (С. 60).

Однако если причина современного Лурье антисемитизма – «вещь спорная и неясная», а причины античного и современного антисемитизма одни и те же, то непонятно, как при таком тождестве причин «установить причины античного антисемитизма должно быть легче и проще, чем причины нынешнего» и тем более «легче разобраться и в причинах современного антисемитизма». Это одна из тех многих несообразностей, которые мы находим в рассуждениях Лурье. Тем не менее, он, будучи тогда еще сравнительно молодым человеком, смело приступал к анализу причин так называемого «античного антисемитизма» и опять же сам себе часто противоречил.

Лурье начинает с вопроса кардинально важного: была ли причиной еврейская религия? Разумеется, бросались в глаза некоторые освященные религией бытовые нормы – прежде всего, запрет есть свинину и обычай обрезания. Далее, евреям ставилось в вину то, что они, живя на территории других народов, а следовательно, по тогдашним представлениям, на территории чужих богов, тем не менее, отказывались признавать и чтить этих богов, – хотя бы наряду со своим Богом. Однако, полагает Лурье, эти религиозные особенности вряд ли могли быть главной причиной антисемитизма. Обрезание, запрещение употреблять в пищу некоторые сорта мяса и т.д., – все это свойственно не только евреям, но также египтянам и другим народам того времени. Таким образом, своеобразие еврейской религии, по мнению

Лурье, само по себе не могло, при значительной веротерпимости античных обществ, служить основной причиной антисемитизма или, вернее, могло служить (и действительно служило) ею лишь постольку, поскольку было составной частью того еврейского «самоутверждения», которое, – приведем подлинные слова Лурье, – «в современной науке гиперболически и несправедливо окрещено партикуляризмом»²⁸. Здесь, следовательно, Лурье выражает несогласие с общим тезисом Рейнаха, – тезисом, который, как мы увидим, фактически принимает и даже одобряет.

Может быть, причина в экономических отношениях? Но ссылки на привилегированное экономическое положение евреев и злонамеренное использование этого положения в таких, например, областях, как откуп налогов или ростовщичество, Лурье справедливо отвергает, поскольку эти обвинения действительно не находят подтверждения в источниках (или находят его применительно лишь к Иудее). «Корыстолюбие евреев не служило, по-видимому, причиной антисемитизма»²⁹; здесь хороша оговорка «по-видимому». Но если говорить серьезно, какие народы и когда были образцом бескорыстия? «Поэтому мы должны присоединиться к взгляду Т. Рейнаха..., – что бы ни говорили, экономический антисемитизм, этот продукт средневекового законодательства и современного финансового движения, не играл существенной роли в греко-римскую эпоху» (С. 120).

Но тогда, может быть, политические соображения? По всем сведениям, как библейским, так и небиблейским, можно со значительной долей уверенности заключить, что власти играли «пассивную роль в преследовании евреев; антисемитские настроения исходили из недр античного общества» (С. 166). Иначе говоря, рутинного преследования евреев как долговременной и систематической политики со стороны властей не было. Все случаи репрессий – это следствия невыполнения конкретных требований, открытого и тем более вооруженного неповиновения.

Главной причиной негативного отношения к евреям *и с точки зрения самого Лурье* так или иначе оказывается «еврейский партикуляризм» (sic!). Действительно, как признает сам Лурье, это обвинение проходит красной нитью через всю античную литературу о евреях, и никакого открытия по сравнению с Рейнахом и прочими предшество-

²⁸ Лурье С. Антисемитизм в Древнем мире. С. 66.

²⁹ Лурье С. Антисемитизм в Древнем мире. С. 44.

вавшими ему авторами Лурье тут не совершил. Другое дело, что он попытался конкретизировать границы и интенсивность «партикуляризма». Занятия евреев также были не таковы, чтобы можно было отгородить себя «китайской стеной» от иноверцев. «Если бы под партикуляризмом понималось нежелание чувствовать себя только лишь органической частью того государства, в котором евреям приходилось жить, и отказаться от своего религиозного и национального своеобразия, насколько диким и “моветонным” оно ни казалось бы их просвещенным соседям, то этот взгляд был бы, как мы увидим ниже, близок к истине»; но обвинение в «резком партикуляризме и презрении к иноверцам» неверно: «Оно хотя и почерпано из многочисленных указаний древней, преимущественно антисемитской литературы, тем не менее, прямо противоречит фактам» (С. 169).

Если говорить о коренной Иудее, то каким фактам это может противоречить, мне непонятно. Другое дело, что евреи диаспоры, естественно, были в большей степени готовы или, скорее, вынуждены приспособляться к условиям существования в греко-римском обществе (об этом ниже). Далее, с моей точки зрения, принципиальной разницы между резким и нерезким партикуляризмом нет; по сути своей это одно и то же, и все нюансы лишь в форме проявления. Но посмотрим теперь, как понимают вопрос и как на него отвечают современные израильские авторы, – которых, естественно, менее всего можно заподозрить в симпатии к антисемитизму.

Нужно сказать, что обильная мировая и в особенности израильская литература в общем и целом (хотя, как мы увидим, не во всем) подтверждает оценку Рейнаха, к которой фактически присоединяется Лурье. Поскольку современных израильских работ на эту тему очень много, я попробую выбрать для примера хотя бы пару достаточно авторитетных и достаточно новых исследований, посвященных в первую очередь тем причинам, по которым евреи не вписывались в структуру греко-римского мира. Эти работы, если принять критерий Фельдмана, безусловно относятся к субстанционалистскому направлению.

А. Авидов и С. Шварц об антисемитизме. Первый пример – работа Ави Авидова³⁰. Если кратко суммировать его концепцию, то она сводится к следующему. Главная причина культурной асоциальности

³⁰ *Avidov A. Not Reckoned among Nations. The Origins of the so-called “Jewish Question” in Roman Antiquity. Tübingen, 2009.*

евреев – это «социальная маргинальность», т. е. сознательное нежелание участвовать в узаконенной жизни общества³¹. Речь, с его точки зрения, идет отнюдь не о неосознанной культурной, а о вполне сознательной политической маргинальности. Возможный способ ее преодоления описан в третьей главе, суть которой сводится к естественному предположению, что римляне допускали в свое политическое целое другие народности только на условиях жестко контролируемого патронажа. В республиканские времена он имел форму псевдо-союзнических отношений (*amicitia*); в имперские же времена главным условием было соблюдение правил культа императора, чего евреи делать не желали. Сам Авидов понимает социальную интеграцию как причастность имперскому центру через посредство патронажа, который римляне превратили в важный социальный институт. Добрая половина книги является достаточно традиционным обзором еврейской истории примерно с 200 г. до н.э. по печальный 70 г. н.э. Она призвана объяснить причины «еврейской маргинальности» в античном мире, и вывод из нее следует тоже вполне ожидаемый: еврейское общество не захотело принять римскую систему ценностей (как не пожелало бы принять и никакую другую), – но в значительной мере потому, что римляне недальновидно навязывали ему неугодных лидеров. Поскольку культ императора внедрить среди евреев не удалось, евреи сами себя маргинализировали задолго до разрушения Иерусалима. Веспасиан и Тит лишь фактически закрепили этот статус еврейского народа. Таким образом, по мнению Авидова, главный механизм имперской интеграции в данном случае привел к совершенно обратному результату, и виноваты в этом – тут уже Авидов делает совсем иной вывод, чем Лурье, – не столько сами евреи (хотя они тоже всегда немножко виноваты), а прежде всего римляне, не сумевшие или не пожелавшие учесть редкую специфику подвластного им народа.

Возражений против этой концепции я касаться не буду. Римляне не слишком считались и с интересами греков, но говорить о том, что они сознательно или бессознательно маргинализировали греков в республиканское или имперское время, наверное, не стоит. Отдельным вопросом, как уже говорилось, остается диаспора и отношение к ней. Одно дело – подозрительное или предвзятое отношение к еврейскому народу как к этно-религиозному целому, а другое – отношение

³¹ *Avidov A. Not Reckoned among Nations. P. 21 sq.*

к конкретным евреям на бытовом уровне. Что диаспора сознательно не желала интегрироваться в греко-римское общество, – это допущение весьма сомнительное; скорее, верно обратное (и для времен республики, и для времен империи), и вряд ли римляне, вопреки утверждению Авидова³², дискриминировали евреев на бытовом уровне по чисто этническому признаку.

В этом вопросе я, пожалуй, соглашусь с Лурье, по мнению которого «греческая культура приобрела такое влияние на еврейские умы, что даже свои собственные национально-религиозные установления евреи организуют на греческий манер. Объективное историческое исследование приводит нас к выводу, что ассимиляционные тенденции в еврействе, замирая на короткое время после погромов, в общем, начиная с конца IV в. до Р.Х. и кончая временем первых побед христианства, все росли и усиливались»³³. Если взять недавние оценки, то они будут примерно такими же. Почти 70% всех надписей, сделанных иудеями за многовековое пребывание в греко-римском культурном ареале, выполнены (включая диаспору и Палестину) на греческом языке. «Даже в самом Риме... почти 80% из почти 600 надписей, найденных в местных иудейских катакомбах, выполнены на греческом языке и только около 20% на латыни (оставшийся примерно 1% – это арамейский и еврейский языки). В Палестине... примерно 35% надписей периода Второго Храма сделаны на греческом и примерно такой же процент... относится к византийскому периоду. Но если прибавить к этому надписи из Бейт-Шеарима и Яффы, двух самых крупных иудейских некрополей позднеимперского и ранневизантийского периодов, то общая доля греческих надписей в римско-византийской Палестине вырастет до 55 %»³⁴. Однако эти данные никак не могут

³² *Avidov A. Not Reckoned among Nations. P. 177.*

³³ *Лурье С. Антисемитизм в Древнем мире. С. 181.*

³⁴ *Levine L.I. Judaism and Hellenism in Antiquity: Conflict or Confluence? Seattle; L., 1998, P. 180.* Левин относится к числу тех не очень многочисленных авторов, которые склонны сглаживать «еврейский вопрос» и предпочитают думать, что евреи в большей степени были склонны все же к адаптации, чем к противостоянию и самоутверждению. По мнению Левина, евреи в общем и целом были несколько не против адаптации и протестовали только тогда, когда на них сильно давили (*Ibid. P. 182–183*). Однако при этом он все же делает акцент на первую посылку: «Не будь этой способности к изменению и приспособлению, еврейская цивилизация, вероятно, уже давно исчезла бы. Интенсивное межкультурное взаимодействие... – отличительное свойство еврейского исторического опыта» (*P. 184*). Но, может быть, еврейская цивилизация сохранилась

служить существенной корректировкой ни отрицательно-подозрительного отношения к евреям, которое все же сложилось в античности, ни, тем более, обоснованности общих концепций Рейнаха, Авидова, да и самого Лурье.

Позицию Ави Авидова в целом поддерживает работа Сета Шварца, – возможно, одно из лучших новейших исследований на данную тему³⁵. Шварц выделяет два вопроса: 1) каково соотношение иудаизма и эллинизма? 2) почему римлянам не удалось интегрировать евреев? Шварц рассматривает достаточно обширный период времени – примерно с 200 г. до н.э. до 370 г. н.э. Его интересует, насколько евреи в плане «их социальных отношений, образа мысли, воображения и даже культурной практики были нормальными» обитателями Средиземноморского мира³⁶. «Средиземноморская культура» – это, конечно, не столько объективная реальность, сколько эвристическая модель, – при всей своей абстрактности бесполезная. Шварц приходит примерно к тому же самому выводу, что и Авидов. Евреи исповедовали «средиземноморскую контр-культуру», т. е. отвергали греко-римские ценности, не желали никому подчиняться и ни от кого зависеть, фактически не имели аристократии, сводили к минимуму связи с другими народами и отвергали римскую систему патронажа³⁷.

Внимания заслуживает и то обстоятельство, что многие современные израильские авторы стараются избегать термина «антисемитизм» или максимально конкретизировать его применительно к античности. Вот несколько выдержек из лекции Авидова, прочитанной в 2014 г. в американском колледже Колби³⁸. «Поскольку по профессии я историк античности, главное для меня – понять, может ли предрасположение к евреям в эпоху классической античности служить клю-

как раз потому, что в принципиальных вопросах любую адаптацию отвергла, – пусть даже за счет дорого обходившегося противостояния?

³⁵ Schwartz S. *Were the Jews a Mediterranean Society? Reciprocity and Solidarity in Ancient Judaism*. Princeton; Oxf., 2010. Впрочем, те же самые мысли можно встретить и в более ранних современных работах, уже не израильских, а в таких, напр., английских, как книга почтенного историка Мартина Гудмена (*Goodman M. Rome and Jerusalem. The Clash of Ancient Civilizations*, Лондон, 2007); это труд обширный, но довольно поверхностный и маловразумительный.

³⁶ Schwartz S. *Were the Jews a Mediterranean Society?* P. 5.

³⁷ Schwartz S. *Were the Jews a Mediterranean Society?* P. 33–42.

³⁸ <http://www.colby.edu/jewishstudies/wp-content/uploads/sites/65/2014/08/Avidov-Ancient-Antisemitism-Reconsidered.pdf>

чом к нашему современному представлению об антисемитизме как общем явлении. Допуская, в порядке гипотезы, что термин “антисемитизм” применим ко всем эпохам прошлого, я думаю, что вопрос этот заслуживает уточнения, поскольку два главных фактора, принципиально существенные для всякой теории антисемитизма в последние времена, явно отсутствовали в греко-римской античности, а именно: возложенная на евреев коллективная вина за богоубийство, т. е. за распятие Христа, и отождествляемый с нацизмом псевдонаучный расизм, к которому в последнее время можно добавить антисемитскую позицию радикального ислама». Авидов считает, что антисемитизм принципиально возможен и существовал в античные времена даже при отсутствии перечисленных факторов, и предлагает искать объяснение в «более глубинных факторах», которые сводятся к уже знакомой нам «социальной маргинальности».

Черты еврейского народа. Вернемся, однако, к главной теперь теме. Какие же именно качества еврейского народа делали его столь неприятным для других? Нужно сказать, что некоторые авторы, например, Феофраст³⁹ и Клеарх, склонны были видеть в евреях не столько народ, сколько особую «философскую» секту, происходившую, по утверждению Клеарха⁴⁰, который приписывал это мнение Аристотелю, от индийских философов и родственную, как считал Мегасфен⁴¹, индийским брахманам; однако подобные суждения, конечно, не являются общим фоном. Дадим слово другим античным авторам и воспользуемся тематическими рубриками, которые наметил Лурье; они представляются приемлемыми, но содержание их, естественно, будет изложено самым кратким образом и с теми уточнениями, которые представляются мне целесообразными.

1. «Дерзость» и «нахальство».

Под еврейской «дерзостью», или «нахальством», Лурье, насколько можно судить, понимал стремление евреев к занятию господствующих постов в администрации любого рода: евреи, «выдвинувшиеся в античном обществе, с точки зрения этого общества не проявляли достаточной скромности и такта»⁴². Буквально такого утверждения у античных авторов мы, пожалуй, не найдем. Но указаний на

³⁹ *Порфирий*. О воздержании от животной пищи II 26.

⁴⁰ *Иосиф Флавий*. Против Апиона I 179.

⁴¹ *Климент Александрийский*. Строматы I 15, 72,5.

⁴² *Лурье С.* Антисемитизм в Древнем мире. С. 232.

высокомерное отношение евреев к иноверцам достаточно, – начиная с приведенного выше суждения Плиния Младшего. Вот еще и мнение Филострата: «Иудеи издревле отложились не только от римлян, но и от всего человечества, жизнь они себе избрали особую и с прочими людьми не делят ни застолий, ни возлияний, ни молитв, ни жертвоприношений, так что отдалены от нас дальше, чем Сузы и Бактры и даже дальше, чем Индия»⁴³. Нечто подобное, вероятно, имел в виду и Арриан (см. ниже, С. 81).

2. Презренность евреев.

А) «Пока Востоком правили ассирийцы, мидяне и персы, иудеи были самым жалким из подвластных им народов»⁴⁴. Веспасиан и Тит после победы над евреями решительно не пожелали принять титул *Iudaicus*⁴⁵. Аполлоний Молон уверен, что евреи не выдвинули из своей среды ни одного достойного человека, что Моисей был просто шарлатаном и что вообще евреи – самые бездарные из всех варваров⁴⁶. Примерно то же самое утверждает и Апион⁴⁷. Легковерие и невежество евреев общеизвестны (об этом, в частности, говорят Мнасей Патрский⁴⁸ и Гораций⁴⁹). Эллинизированные еврейские авторы, конечно, оценивали достижения собственного народа в плане мудрости и цивилизованности гораздо оптимистичнее.

В) Помимо изменности и презренности евреев сам их внешний вид и идущий от них запах вызывает отвращение:

«То, чем пахнет стоячее болото,
Чем от серных несет притоков Тибра
И от рыбных морских садков загнивших...
От сапог утомленного солдата...
От справляющих шабаш иудеев...»⁵⁰,

Как сообщает Аммиан Марцеллин, «когда Марк Аврелий на пути в Египет проезжал через Палестину, то, испытывая отвращение

⁴³ *Флавий Филострат*. Жизнь Аполлония Тианского V 33; пер. Е.Г. Рабинович.

⁴⁴ *Тацит*. История V 8; пер. Г.С. Кнабе под ред. М.Е. Грабарь-Пассек.

⁴⁵ *Дион Кассий*. Римская история LXVI 6.

⁴⁶ *Иосиф Флавий*. Против Апиона II 145; 148.

⁴⁷ Против Апиона II 2 сл.

⁴⁸ *Мнасей Патрский* у Иосифа Флавия. Против Апиона II 9.

⁴⁹ *Гораций*. Сатиры I 5, 100 сл.

⁵⁰ *Марциал* IV 4,1–7; пер. Ф.А. Петровского.

к вонючим и нередко производившим смуты иудеям, скорбно воскликнул: “О маркоманны, о квады, о сарматы! Наконец я нашел людей хуже вас”»⁵¹.

3. Неблагонадежность, коварство, круговая порука.

Об этом говорят, например, Страбон и Сенека (см. соответствующие рубрики в списке на с. 80).

Если же искать обобщающее и продуманное прозаическое изложение неприятия еврейства, то, пожалуй, оно будет таким (с важными оговорками, которые я выделил курсивом), каким мы находим его в пятой книге «Истории» Тацита:

«Иудеи считают богопротивным все, что мы признаем священным, и, наоборот, все, что у нас запрещено как преступное и безнравственное, у них разрешается...

О перенесенном ими в древние времена страшном голоде доньше напоминают соблюдаемые иудеями частые посты, а привычка их замешивать хлеб без дрожжей связана с тем, что некогда они питались наспех сорванными сухими колосьями. Они и отдыхать любят в седьмой день, как говорят, потому, что на седьмой день кончились их муки; со временем безделье стало казаться им все более привлекательным, и теперь они проводят в праздности каждый седьмой год...

Но каково бы ни было происхождение всех описанных обычаев, *они сильны своей глубокой древностью*; прочие же установления, отвратительные и гнусные, держатся на нечестии, царящем у иудеев: самые низкие негодяи, презревшие веру отцов, издавна приносили им ценности и деньги, отчего и выросло могущество этого народа; увеличилось оно еще и потому, что иудеи *охотно помогают друг другу*, зато ко всем прочим людям относятся враждебно и с ненавистью. Они ни с кем не делят ни пищу, ни ложе, избегают чужих женщин, хотя до крайности преданы разврату и в общении друг с другом позволяют себе решительно все; они и обрезание ввели, чтобы отличать своих от всех прочих. Те, что сами перешли к ним, тоже соблюдают все эти законы, но считаются приняты-

⁵¹ Аммиан Марцеллин. Римская история XXII 4,5; пер. В. Кулаковского и А. Сонни под ред. Л.Ю. Лукомского. Правда, Аммиан Марцеллин не сообщает, у кого позаимствовал эти сведения. К тому же он поздний автор: от Марка Аврелия его отделяют добрые 200 лет; оставим этот рассказ на его совести. Рейнах вполне корректно включает этот текст именно как свидетельство Аммиана Марцеллина, а не как текст Марка Аврелия.

ми в число иудеев лишь после того, как исполнятся презрения к своим богам, отрекутся от родины, откажутся от родителей, детей и братьев»⁵².

А поэтические обобщения можно представить следующим образом, – от сравнительно мягких до довольно резких (причем их разделяет не одна сотня лет). У Ювенала⁵³ мы читаем:

«Выпал по жребью иным отец – почитатель субботы:
Лишь к облакам их молитвы идут и к небесному своду;
Так же запретна свинина для них, как и мясо людское
Ради завета отцов; он крайнюю плоть обрезают
С детства, они презирать приучились обычаи римлян,
Учат, и чтут, и хранят лишь свое иудейское право, –
Что бы им там ни дано в Моисеевом тайном писанье, –
Право указывать путь лишь поклоннику той же святыни
Иль отводить к роднику лишь обрезанных, но не неверных.
Здесь виноват их отец, для которого каждый субботний
День – без забот, огражденный от всяких житейских занятий».

В завершение своей книги Лурье приводит фрагмент поэмы Намациана «Возвращение на родину», отмечая, что «Здесь сгруппированы и резюмированы все обвинения, раздававшиеся в древности против евреев, невосприимчивость к красотам природы, необщительность и партикуляризм, корыстолюбие, дикость их религиозных обрядов, узость (“холодность”), демократическая пропаганда и, наконец, как заключительный аккорд – покорение всесильным кагалом античного мира»⁵⁴. Отрывок поэмы Намациана⁵⁵, в котором проглядывает уже и чисто бытовой антагонизм, я привожу для сравнения в двух переводах.

Но наслажденье природой внезапно прервал арендатор,
Более злобный к гостям, чем людоед Антифат⁵⁶.
Был он евреем, ворчливым и злым: никогда с человеком
Вместе не сядет за стол эта проклятая тварь!

⁵² Тацит. История V 4–5; пер. Г.С. Кнабе.

⁵³ Ювенал. Сатиры XIV 96–106; пер. Д. Недовича и Ф. Петровского.

⁵⁴ Лурье С. Антисемитизм в Древнем мире. С. 232. Не ясно, в каких строках Намациана заключается «демократическая пропаганда», а на мысль о существовании уже в античное время «всесильного кагала» Лурье, несомненно, навели мнения Цицерона и Страбона – см. ниже, С. 79–80.

⁵⁵ Намациан. Возвращение на родину I 381–398.

⁵⁶ Мифический царь лестригонов.

Счет представляет он нам за помятые травы и лозы:
Каждую каплю воды в крупную сумму зачел.
Мы проклинаем в ответ непотребное племя евреев,
Что над собою творит гнусный, бесстыдный обряд,
Глурых теорий источник, с холодной субботой на сердце —
Сердце ж еще холодней самой религии их.
Каждый седьмой они день пребывают в позорном бездельи.
Вялый, ленивый их Бог в этом им деле пример.
Прочие выдумки их – лишь рабов легковерных утеха:
Умный ребенок – и тот им бы поверить не мог.
Пусть бы несущее ужас оружие Помпея и Тита
Не покоряло совсем нам иудейской страны!
Вырвав из почвы, заразу по белому свету пустили –
И победитель с тех пор стонет под игом раба.

Перевод С.Я. Лурье⁵⁷

Но поплатиться пришлось нам за отдых на месте прелестном:
Злее хозяин наш был, нежели сам Антифат.
Вздорный был иудей управляющим в этом именье,
Даже гнушавшийся есть вместе с другими людьми.
Стал он кричать, будто мы и кусты повредили и траву,
Будто испортили мы воду в бассейне, кричал.
Бранью и мы отвечали исчадью породы, где люди
Край детородных частей режут, про стыд позабыв.
В глулости укоренясь, с холодной субботой в сердце,
Сердцем они холодней даже субботы своей.
День они каждый седьмой обрекают на мерзкую леность,
Слабым подобьем хотят бога усталого стать.
Много бредней у них, в которые, я полагаю,
Верить не может никто даже из малых детей.
Лучше бы никогда, ни в войнах Помпея, ни Тита
Нам Иудею себе не удалось покорить!
Взрезанный чумный бубон лишь больше бывает заразен,
И побежденный народ победоносных гнетет

Перевод О.В. Смыки⁵⁸

Здесь, как и у Сенеки, мы находим парафразу темы пленения победителя побежденным. Тема эта, несомненно, была достаточно ти-

⁵⁷ Лурье С. Антисемитизм в Древнем мире. С. 267–268.

⁵⁸ Цит. по: Поздняя латинская поэзия. М.: Худ. лит., 1982. С. 293.

пичной и изначально представляла собой риторическое обобщение отношений между римлянами и греками. Довольно вспомнить строку Горация: «Греция, взятая в плен, победителей диких пленила»⁵⁹.

II. Античные философы и «еврейский вопрос»

Теперь я попытаюсь сделать то, чего по разным причинам не считал нужным сделать Лурье, а именно, – рассмотреть вопрос сквозь призму античной философской традиции. Если предположить, что такая постановка вопроса в принципе допустима, то тогда нужно попытаться выяснить следующее.

1. Есть ли у собственно философской традиции какая-нибудь специфика в отличие от литературной, а также от научно-исторической традиции. Правда, мотивы представителей перечисленных традиций могут варьироваться от автора к автору и изменяться от объективных наблюдений и обобщений до чисто вкусовых пристрастий. Это значительно усложняет задачу. Об этом шла речь в первой части статьи.

2. Можно ли наметить хотя бы самую приблизительную стратификацию внутри самой античной философской традиции, – если возможно, по школам и направлениям. Это позволило бы получить более точную картину в том социологическом ракурсе, о котором я говорил в начале статьи. Впрочем, при имеющихся у нас источниках эта картина в любом случае не будет столь точной, какую желательно было бы иметь.

Как представляется, здесь возможны два метода: 1) попытаться сразу классифицировать позиции по школьной принадлежности с учетом хронологии и 2) последовательно рассматривать все свидетельства в хронологическом порядке и уже затем группировать их с учетом школьной принадлежности. Второй подход представляется мне более осторожным и поэтому более приемлемым. Тексты будут обозначаться порядковым номером и знаками (/) «немые», «индифферентные», (–) «отрицательные», (+) «положительные», (+–) «скорее положительные» и (?) «сомнительный контекст». Разумеется, следует делать поправку на то, что в ряде случаев оценка позиции будет достаточно приблизительной.

⁵⁹ Гораций. Послания II 2, 156; пер. Н.С. Гинцбурга. Мы не знаем, читал ли Намациан Сенеку, но Горация, видимо, читал.

1. (/) Аристотель в «Метеорологике» (II 3, 359 а), по-видимому, упоминает Мертвое море.

2. (+) Феофраст в трактате «О благочестии» (у Порфирия – «О воздержании от животной пищи» II 26) высказывается о евреях с уважением и называет их «племенем философов»; основное количество прочих текстов («О растениях») посвящено флоре Палестины.

3. (+) Гекатей Абдерский, считавшийся учеником Пиррона (Диоген Лаэртий IX 69), по интересам был все же историком и составил довольно подробное и сравнительно непредвзятое описание еврейских нравов и обычаев в сочинении по истории Египта. Он особо отмечает, что евреи ведут замкнутый, нелюдимый образ жизни, сторонятся чуждого им и готовы на все, лишь бы не поступиться заветами предков (*Диодор*. Историческая библиотека XL 3,4) и, по утверждению Иосифа Флавия («Против Апиона» I 191–193) ставит это евреям в заслугу.

4. (+) Клеарх из Сол в трактате «О сне» (отрывок у Иосифа Флавия, «Против Апиона» I 176–183) передает якобы подлинный рассказ самого Аристотеля. Аристотель поведал (считая это подобием чудесного сна) о том, как в Малой Азии беседовал с одним мудрым иудеем, который произвел на него исключительно хорошее впечатление, ибо «был эллином не только по языку, но и по духу». К этому Аристотель добавил, что евреи, живущие в Келесирии, происходят от – индийских философов.

5. (?) Об Окелле Луканском говорилось выше (С. 58).

6. (?) От Посидония в передаче Страбона дошло описание добычи так называемого «асфальта» в Иудее (XVI 2, 43 = Посидоний. fr. 279 Edelstein–Kidd). А вот Иосиф Флавий предъявляет Посидонию серьезнейшее обвинение: он и Аполлоний Молон послужили главными источниками той клеветы, которую Апион возводит на религиозные обряды и обычаи иудеев, приписывая им, в частности, ужасную практику человеческих жертвоприношений («Против Апиона» II 79–80, 89, 91–96 = Посидоний. fr. 278). Есть немало оснований считать, что в данном случае Иосиф Флавий ошибается. Если бы Посидоний действительно был первоисточником, Иосиф Флавий наверняка ссылался бы на него постоянно; но имя Посидония встречается у него лишь один раз. Да и трудно представить, чтобы Посидоний с его научным складом ума и широтой взглядов опустил до явных вымыслов⁶⁰.

⁶⁰ В комментарии к данному фрагменту Кидд указывает, что имена Посидония и Аполлония Молона могли соседствовать в целом ряде контекстов. Аполло-

Следует также учесть, что сирийская Апамея, из которой происходил Посидоний, видимо, отличалась благожелательным отношением к евреям и там же родился Нумений.

7. (/) Лукреций в поэме «О природе вещей» коротко сообщает о некоем водоеме в Сирии, испарения которого губительны для всего живого (VI 756–759).

8. (–) Цицерон, как уже говорилось, не питал к евреям особого интереса. Упомянул он о них только в связи с совершенно конкретными делами и тогда высказывался не слишком лестно. Вот примеры. «О консульских провинциях» V 10: «Иудеи и сирийцы, народы, рожденные для рабского состояния» (пер. В.О.Горенштейна). «В защиту Флакка» 28,66: «Именно из-за этого обвинения ты, Лелий, и выбрал это место и собрал эту толпу. Ты знаешь, как велика эта шайка, как велико в ней единение, как велико ее значение на народных сходках. Поэтому я буду говорить, понизив голос, чтобы меня слышали одни только судьи; ведь в людях, готовых натравить иудеев на меня и на любого честнейшего человека, недостатка нет; не стану им это облегчать» (пер. В.О.Горенштейна).

9. (+) Перипатетик Николай Дамасский был приближенным царя Ирода, о чем упоминает в сочинениях «История» и «О своей жизни» (сохранились фрагментарно). В его симпатии к евреям нет сомнений: «Живя в царстве [Ирода]..., он писал лишь то, что нравилось и льстило царю» (*Иосиф Флавий*. Иудейские древности XVI 184). Однажды ионяне заявили полководцу императора Августа Марку Агриппе, что если иудеи приравнены к ним по правам, то должны поклоняться их богам. «Тогда по этому поводу состоялся суд, и с помощью Николая

ний тоже поселился на Родосе, где преподавал риторику, и тоже участвовал в родосском посольстве в Рим; его также посещал Цицерон (напр., Брут 316). Кроме того, отца Аполлония звали Посидоний. К.Бертело тоже занимает скептическую позицию и, во всяком случае, не считает, что упреки Апиона в адрес иудаизма и иудеев восходят непосредственно к Посидонию. Вместе с тем, она допускает, что Посидоний мог не питать симпатий к современному иудаизму и считать его дегенерировавшей версией подлинного иудаизма Моисея (*Berthelot K. Poseidonios d'Ararnée et les juifs // Journal for the Study of Judaism*. XXXIV, 2. 2003. P. 195–198. По ее предположению, Посидоний, возможно, считал крупным недостатком сужение горизонта иудаизма и вырождение его в узко-национальную идеологию, отличавшуюся крайней нетерпимостью и потому не подходившую для проекта, который, возможно, замыслил Посидоний, – создание идеологии мировой империи, появление которой он уже предвидел.

из Дамаска иудеи выиграли его, сохранив за собой право жить по своим обычаям» (Там же, XII 125–126).

10. (–) Страбон посвящает Иудее почти никаким личным отношением не окрашенное географическое и отчасти историческое описание («География», XVI, 2). А вот Иосиф Флавий приводит несколько замечаний Страбона (видимо, из сохранившихся лишь фрагментарно «Исторических записок»), смысл которых явно неодобрительный. Евреи «проникли уже во все города, и трудно найти такое место во всем обитаемом мире, где не было бы этого племени и где оно не дало бы почувствовать свою власть... А в Александрия значительная часть города отведена этому народу, и возглавляет его собственный этнарх: он управляет делами народа, решает тяжбы, следит за выполнением договоров и постановлений – совсем как глава самостоятельного государства» («Иудейские древности» XIV 7,2). Здесь Страбон явно предвосхищает Сенеку и Намациана, и именно по этому поводу Лурье замечает: «Не менее обычен в древней литературе взгляд, по которому всемирное еврейство представляет собой... страшный “всесильный кагал”, стремящийся к покорению всего мира и фактически уже захвативший его... Впервые такой взгляд мы находим... у известного географа и историка Страбона»⁶¹. После такого сообщения нельзя считать удивительным, что Лурье отнес Посидония и его почитателя Страбона к числу главных идеологов античного антисемитизма наряду с Цицероном и Тацитом, которых объявил «наиболее ярыми римскими антисемитами»⁶².

11. (+) Автор трактата «О возвышенном», возможно, испытавший влияние Аристотеля и Посидония, цитирует (IX 9) начальный раздел Книги Бытия.

12. (–) Сенека в трактате «О суеверии» (о чем известно только по словам Августина, который цитирует этот несохранившийся трактат), «порицает обряды иудеев, особенно субботу, и утверждает, что они зря так делают, потому что... впустую проводят почти седьмую часть своей жизни... А вообще об иудеях он отзывается так: “Между тем, обычаи этого зловреднейшего племени набрали такую силу, что приняты уже повсюду: побежденные дали законы победителям”» («О Граде Божьем» VI 11).

13. (–) Клеомед, критикуя грубый стиль Эпикура, сравнивает его

⁶¹ Лурье С. Антисемитизм в Древнем мире. С. 266.

⁶² Антисемитизм в Древнем мире. С. 265.

в том числе с возгласами, раздающимися из синагоги («Учение о небесных телах» II 1,91).

14. (+) Эпиктет, в отличие от Сенеки, говорит о евреях без вражды и даже с некоторым уважением, отдавая должное их последовательности и убежденности: «Так что же ты называешь себя стоиком..., что ты играешь иудея, когда ты эллин? Разве ты не видишь, каким образом каждый называется иудеем, каким образом – сирийцем, каким образом – египтянином? И когда мы видим, что кто-то ведет себя двойственно, мы обычно говорим: “Это не иудей, он играет его”. А когда он проникнут убежденностью принявшего омовение и секту, тогда он действительно и есть и называется иудей» («Беседы Эпиктета» II 9,19–21; пер. Г.А. Тароняна).

15. (–) Плутарх из Херонеи уличает евреев в суеверии, в готовности пожертвовать всем ради субботы («О суеверии» 3, 166а; 8, 169с), но не считает суеверность отличительным свойством одних только евреев. Иудейские религиозные ритуалы Плутарх описывает вполне нейтрально и предполагает сходство дионисийского культа с иудейским («Застольные беседы» IV 6, 1 сл.).

16. (–) Арриан у Суды (s.v. *ἀτάσθαλα et παρείκοι*) говорит о надменности евреев: «Траян решил, если получится, известить этот народ совершенно, а если не получится, то, во всяком случае, смирив его, положить конец его непомерной надменности».

17. (–) Марк Аврелий и его отзыв о евреях нами был упомянут выше (С. 74) со ссылкой на Аммиана Марцеллина.

18. (/) Скептик Секст Эмпирик отмечает воздержание евреев от свинины («Пирроновы положения» III 222).

19. (+) Нумений из Апамеи, согласно свидетельству Евсевия Кесарийского, полагал иудеев наряду с брахманами, магами и египтянами в числе древних «прославленных народов», чьи таинства, учения и установления были «согласны с Платоном» (*Евсевий*. Приготовление к Евангелию IX 7,1 = *Нумений*. fr. 1a des Places⁶³). По Оригену, «в первой книге своего трактата «О благе», говоря о народах, которые считают бога бестелесным, и причисляя к ним иудеев, он... использовал в своем сочинении изречения пророков...» (*Ориген*. Против Кельса I 15 = fr. 1b). Кроме того, Оригену «известно, что пифагореец Нумений... во многих своих книгах излагает учение Моисеево и пророков» («Против Кельса» IV 51 = fr. 1 с). Климент Алек-

⁶³ Цит. по: *Нумений из Апамеи*. Фрагменты и свидетельства / Пер. А.С Афонасиной и Е.В. Афонасина // СХОЛН. Т. 3. Вып.1. 2009. С. 213–278.

сандрийский и Евсевий свидетельствуют, что Нумению приписывают знаменитое изречение «Кто есть Платон, как не Моисей, говорящий на аттическом наречии?»» (Τί γάρ ἐστι Πλάτων ἢ Μωϋσῆς ἀττικίζων; – fr. 8 des Places, *Климент Александрийский*. Строматы I 22, 150,4; *Евсевий*. Приготовление к Евангелию XI 10,14)⁶⁴.

Если говорить о позднепифагорейской традиции, к которой принадлежал Нумений, то для сопоставления заслуживает внимания следующее место из Иосифа Флавия («Против Апиона» I 162–165): «Так, Пифагор Самосский, древний муж, мудростью и благочестием превзошедший всех философов, несомненно, не только был осведомлен о наших обычаях, но и во многом стал им подражать. От него, по общему мнению, не осталось ни одного сочинения, но многие историки о нем рассказывали. Самый известный из них Гермипп, всегда стремившийся к тщательности изложения. И вот в первой книге сочинения о Пифагоре он говорит...: “Так он поступал и говорил, подражая мнениям иудеев и фракийцев и усваивая их для себя”. И действительно, говорят, что этот муж включил в свою философию многое из установленного законом для иудеев». Насколько мы можем доверять Гермиппу в изложении Иосифа Флавия – вопрос открытый. Но и Порфирий в «Жизни Пифагора» сообщает о посещении Пифагором евреев во время путешествий на Восток (см. ниже).

20. (–) Кельс, школьная принадлежность которого не известна, скорее всего, разделял взгляды средних платоников. Отношение Кельса к евреям определяется усматриваемой им схожестью между иудаизмом и христианством, которое он резко порицал в единственном известном сочинении «Истинное учение», фрагментарно сохранившемся у Оригена. В христианской религии Кельс видел угрозу римскому государству и цивилизации как таковой. «Это учение он называет варварским, – видимо, подразумевая иудаизм, к которому христианство имеет тесное отношение» (*Ориген*. Против Кельса I 2). За Моисеем, считает Кельс, пошли люди совершенно недалекие (I 23), – со всеми неизбежными из этого пагубными последствиями

⁶⁴ Нельзя, конечно, исключать и того, что это изречение, звучащее несколько гиперболически, было в те времена чем-то вроде поговорки и не принадлежало самому Нумению, а было заимствовано им у какого-то иудео-христианского экзегета (см. *Нумений*. Фрагменты и свидетельства. 2009. С. 221, прим. 26). Но если даже принять такую гипотезу, нет никаких сомнений в том, что Нумений считал это изречение безусловно верным и заимствовал его совершенно сознательно.

21. (+–) Гален, которого нельзя отнести ни к одной философской школе, упоминает Моисея довольно благожелательно («О назначении частей тела» IX 14; «О видах пульсов» II 4), хотя и упрекает его в том, что свои утверждения он не подкреплял никакими доказательствами. К тому же, Гален, видимо, не проводил различия между евреями и христианами.

22. (/) Александр Афродисийский в комментарии на «Метеорологику» (II 3, 359 а) Аристотеля просто пересказывает слова Аристотеля о Мертвом море (CAG III 2, p. 88).

23. (+) Порфирий, обличавший христиан, прекрасно знал Ветхий завет; отношение его к евреям в трактатах «О философии из оракулов» и «О воздержании от животной пищи», несомненно, положительное. Он отдает евреям предпочтение перед христианами, поскольку евреи почитают бога («О философии из оракулов» – у Августина, «О Граде Божьем» XIX 23), а в комментарии к «Халдейским оракулам» (*Иоанн Лидиец*. О месяцах IV 53) говорит, что второй бог, демиург, и есть тот бог, которого почитают иудеи. Подробное описание некоторых иудейских обычаев с положительной оценкой содержится в трактате «О воздержании от животной пищи» (IV 11–14). В частности, пишет Порфирий, у евреев были три «философские» секты – фарисеи, саддукеи и ессеи. Последние самые благочестивые: «Считая наслаждения пороком, они сторонятся их, а добродетелью считают воздержность и невосприимчивость к страстям» (IV 11). «У них особенное преклонение перед божественным» (IV 12). Они блюдут себя в телесной чистоте и, «сами чистые, входят в трапезную, словно в некое святилище» (там же). «Благодаря такому образу жизни, благодаря приверженности к истине и благочестию... многие из них могут предсказывать будущее» (IV 13). В «Жизни Пифагора» (гл. 11) Порфирий сообщает, что Пифагор «ездил в Египет..., и к халдеям, и к евреям и там научился толковать сны».

24. (+) Ямвлих: «Последователи Ямвлиха, Сириана и Прокла считают [бога, которого почитают иудеи], демиургом чувственного мира и называют его богом четверицы стихий» (*Иоанн Лидиец*. О месяцах IV 53).

25. (+–) Император Юлиан в сочинении «Против галилеян» в основном следует Порфирию, хотя и отмечает, что учение Моисея уступает космогонии Платона, а вклад евреев в цивилизацию несравненно ниже вклада эллинов.

26. (–) Саллюстий («О богах и мире» IX 5) просто, но не очень

одобрительно, упоминает обычай обрезания.

27. (+) Сириан = № 24.

28. (+) Прокл = № 24.

29. (/) Дамаский отзывается о евреях совершенно нейтрально. В частности, в «Жизнеописании Исидора» (фрагменты у Фотия и Суды) он сообщает, что последователь Прокла Марин и ученик Сириана Домнин были еврейского происхождения, но отошли от религии своих предков.

30. (/) Олимпиодор в комментарии на «Метеорологику» Аристотеля (СAG XII 2, р. 163 sq.) описывает Мертвое море.

31. (/) Симпликий в комментарии на трактат Аристотеля «Он не-бе» (СAG VII р. 90;141) два раза цитирует псалмы Давида в полемике с Иоанном Филопоном.

Итак, что же мы можем извлечь из этого списка? 1) По сравнению с ранее упомянутым распределением мнений поляризация их в данной группе заметно выше: при приблизительном равенстве (примерно по 30%) нейтральных и отрицательных суждений примерно 40% составляют положительные или близкие к ним. 2) Почти половину списка составляют перипатетики и представители пифагорейско-платонической традиции. 3) Хронология: до римлян отношение относительно хорошее, в эпоху ранней Римской империи посредственное, позже – скорее благожелательное; в целом греки более благосклонны к евреям и иудаизму, чем римляне. 4) Монотеистическая парадигма, несомненно, вызывала интерес у представителей пифагорейско-платонической традиции, и в этом плане специфику философской рефлексии можно представить как максимальное абстрагирование от бытового и внешне-культурного плана и как предпочтительное внимание к монотеистической религии. Почитание еврейского бога не вызывает у представителей этой традиции никакого неприятия. Напротив, они стремились извлечь из этой религии продуктивный элемент, в наибольшей мере отвечающий задачам построения синкретической системы. Именно религиозный монотеизм, как отметил Лев Поляков⁶⁵, видимо, и послужил главным притягательным отличием еврейского мировоззрения. И уровень философской рефлексии тут, пожалуй, несколько иной: философы смогли оценить в иудаизме то, что было гораздо сложнее принять и одобрить многим представителям других дисциплин или жанров.

⁶⁵ Поляков Л. История антисемитизма. С. 21.

Итак: слова Нумения «Кто есть Платон, как не Моисей, говорящий на аттическом наречии?» – как наиболее привлекательный итог – обозначают позицию гораздо более предпочтительную, более внимательную, толерантную и дальновидную, чем стандартные упреки, предъявлявшиеся евреям. Конечно, «зеркало» античной философии в этом вопросе выглядит, пожалуй, несколько узким, – но, в общем и целом, если оно в своем не слишком благожелательном отражении иудейства не вполне оптимистично и даже «криво», то в своем положительном отражении, как минимум, достаточно «правильно», толерантно и, пожалуй, прозорливо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бикерман Э. Дж. Евреи в эпоху эллинизма. М.: Мосты культуры – Иерусалим: Гешарим, 2017. 440 с.

Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. Введения и комментарии Менахема Штерна. Русское научное издание под ред. д.и.н. Н.В.Брагинской. Т. 1. От Геродота до Плутарха. 633 с.; Т. 2. Ч. 1. От Тацита до Артемидора. 312 с.; Т. 2. Ч. 2. От Диогена Лаэртского до Симпликия. 494 с. М.: Мосты культуры – Иерусалим: Гешарим, 1997–2002.

Грушевой А.Г. Евреи и иудаизм в истории Римской республики и Римской империи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 503 с.

Левинская И.А. Предисловие // Лурье С. Антисемитизм в Древнем мире. Попытки объяснения его в науке и его причины. Изд. 2-е, исправленное и дополненное автором / Подготовка текста, предисловие и комментарии И.А. Левинской. М.: Мосты культуры – Иерусалим: Гешарим, 2009. С. 9–38.

Лурье С.Я. Антисемитизм в Древнем мире. Попытки объяснения его в науке и его причины. Петроград, 1922 // *Филон Александрийский.* Против Флакка. О посольстве к Гаю. *Иосиф Флавий.* О древности иудейского народа против Апиана. М.; Иерусалим: Гешарим, 1994. 222 + 170 с.

Лурье С. Антисемитизм в Древнем мире. Попытки объяснения его в науке и его причины. Изд. 2-е, исправленное и дополненное автором. Подготовка текста, предисловие и комментарии И.А.Левинской. М.: Мосты культуры – Иерусалим: Гешарим, 2009. 400 с.

Нумений из Апамеи. Фрагменты и свидетельства / Пер. и комм. А.С.Афонасиной, Е.В.Афонасина // *ΣΧΟΛΗ.* Т. 3. Вып. 1. 2009. С. 213–278.

Поляков Л. История антисемитизма. Эпоха веры. 2 изд., М.: Мосты культуры – Иерусалим: Гешарим, 2008. 565 с.

Поздняя латинская поэзия. М.: Художественная литература, 1982.

Avidov A. Not Reckoned among Nations. The Origins of the so-called “Jewish Question” in Roman Antiquity. Texts and Studies in Ancient Judaism, 128. Tübingen: Mohr Siebeck, 2009. 226 p.

Avidov A. Ancient antisemitism reconsidered, электронный ресурс: <http://www.colby.edu/jewishstudies/wp-content/uploads/sites/65/2014/08/Avidov-Ancient-Antisemitism-Reconsidered.pdf> (дата обращения 02.09.2018)

Berthelot K. Poseidonios d' Aramée et les juifs // Journal for the Study of Judaism in the Persian, Hellenistic and Roman Period. 2003. Vol. 34, 2. P. 160–198.

Goodman M. Rome and Jerusalem. The Clash of Ancient Civilizations, London: Allen Lane, 2007. 656 p.

Greek and Latin Authors on Jews and Judaism / Edited with Introductions, Translations and Commentary by Menachem Stern. Vol. I. From Herodotus to Plutarch (XVIII, 576 p.); vol. II. From Tacitus to Simplicius (XVII, 690 p.); vol. III. Appendixes and Indexes (XIII, 160 p.) Jerusalem: The Israel Academy of Sciences and Humanities, 1974–1984.

Hoffmann Ch. Juden und Judentum im Werk deutscher Althistoriker des 19 und 20 Jahrhunderts. Leiden, 1988.

Levine L.I. Judaism and Hellenism in Antiquity: Conflict or Confluence? Seattle; London: University of Washington Press, 1998. 227 p.

Schwartz S. Were the Jews a Mediterranean Society? Reciprocity and Solidarity in Ancient Judaism. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2010. X, 212 P.

Textes d'auteurs grecs et latins relatifs au Juifs et Judaism, réunis, traduits et annotés par Théodore Reinach. Paris: Ernest Leroux, 1895. XXII, 376 p.

Alexander Arnoldovich Stolyarov

DSc in Philosophy, Leading Research Fellow at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russia. E-mail: a.stolyarov@mail.ru.

The “Jewish Question” in the Mirror of Ancient Philosophy

Summary: This article provides the vision of the “jewish question” in so far as the latter can be illustrated by the opinions of ancient philosophers and authors with semi-philosophical interests. The article rests upon the collections of texts supplied by T.Reinach and M.Stern, the starting point being one of the first works of S.Luria, the prominent Russian researcher of antiquity. Up to my mind, there existed no consistent and centralized antisemitic policy in antiquity. Far from being homogenous, the attitude of ancient philosophical and semi-philosophical socium towards jews and Judaism compared with that of other ancient intellectuals appears, however, to be marked in its positive aspect by a higher level of reflexion and by intention to find out productive elements in judaism and in monotheistic paradigm. Such attitude is peculiar to many adherents of platonian and pythagoreic tradition, particularly to Numenius; from the historic-philosophical and from historic-cultural points of view it appears to be more perceptive and decidedly tolerant.

Keywords: Ancient philosophy, pythagoreism, platonism, “jewish question”, ancient “anti-Semitism”, S.Luria, Th.Reinach, M.Stern.

References

Bickerman, E.J. *Evrei v epokhu ellinizma* [The Jews in the Greek Age]. Moscow: Mosty kul'tury/Gesharim Publ., 2017. 440 p. (In Russian)

Grecheskie i rimskie avtory o evreyakh i iudaizme [Greek and Latin Authors on Jews and Judaism]. Vol. 1: From Herodotus to Plutarch. 633 p.; vol. 2, part 1: From Tacitus to Artemidorus. 312 p.; vol. 2, part 2: From Diogenes Laertius to Simplicius. 494 p. Introd. and ed. M. Stern. Moscow: Mosty kul'tury/Gesharim Publ., 1997–2002. (In Russian)

Grushevoy, A. *Evrei i iudaizm v istorii Rimskoi respubliki i Rimskoi imperii* [The Jews and Judaism in the History of the Roman Republic and the Roman Empire]. Saint Petersburg: St. Petersburg State University Faculty of Philology and Arts, 2008. 503 p. (In Russian)

Levinskaya, I. “Predislovie” [Preface], S. Lur'e. *Antisemitizm v Drevnem mire. Popytki ob'yasneniya ego v nauke i ego prichiny* [Anti-Semitism in the Ancient World. Attempts to explain it in science and its causes]. Ed. I. Levinskaya. Moscow: Mosty kul'tury/Gesharim Publ., 2009, pp. 9–38. (In Russian)

Lur'e, S. “Antisemitizm v Drevnem mire. Popytki ob'yasneniya ego v nauke i ego prichiny” [Anti-Semitism in the Ancient World. Attempts to explain it in science and its causes], Philo of Alexandria. *Against Flaccus. Embassy to Gaius*. Flavius Josephus. *Against Apion, on the antiquity of the Jewish people*. Moscow: Mosty kul'tury/Gesharim Publ., 1994. 222 + 170 p. (In Russian)

Lur'e, S. *Antisemitizm v Drevnem mire. Popytki ob'yasneniya ego v nauke i ego prichiny* [Anti-Semitism in the Ancient World. Attempts to explain it in science and its causes]. Ed. I. Levinskaya. Moscow: Mosty kul'tury/Gesharim Publ., 2009. 400 p. (In Russian)

Numenius of Apamea. “Fragmenty i svidetelstva” [Fragments and Testimonies]. Trans. A. Afonasin, E. Afonasin, ΣΧΟΛΗ. *Ancient Philosophy and the Classical Tradition*, vol. 3, no 1, 2009, pp. 213–278. (In Russian)

Polyakov, L. *Istoriya antisemitizma. Epokha very* [History of anti-Semitism. The Era of Faith]. Moscow: Mosty kul'tury/Gesharim Publ., 2008. 565 p. (In Russian)

Pozdnyaya latinskaya poeziya. [Late Latin poetry]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982. (In Russian)

Avidov, A. *Not Reckoned among Nations. The Origins of the so-called “Jewish Question” in Roman Antiquity*. Tübingen: Mohr Siebeck Publ., 2009. 226 p.

Avidov, A. Ancient antisemitism reconsidered, URL: <http://www.colby.edu/jewishstudies/wp-content/uploads/sites/65/2014/08/Avidov-Ancient-Antisemitism-Reconsidered.pdf>

Berthelot, K. “Poseidonios d'Apamée et les juifs”, *Journal for the Study of Judaism in the Persian, Hellenistic and Roman Period*, 2003, vol. 34, no 2, pp. 160–198.

Goodman, M. *Rome and Jerusalem. The Clash of Ancient Civilizations*. London: Allen Lane, 2007. 656 p.

Greek and Latin Authors on Jews and Judaism. Ed. with introd., transl. and comm. by M. Stern. Vol. I: From Herodotus to Plutarch (XVIII, 576 p.); vol. II: From Tacitus to Simplicius (XVII, 690 p.); vol. III: Appendixes and Indexes (XIII, 160 p.). Jerusalem: The Israel Academy of Sciences and Humanities, 1974–1984.

Hoffmann, Ch. *Juden und Judentum im Werk deutscher Althistoriker des 19 und 20 Jahrhunderts*. Leiden, 1988.

Levine, L.I. *Judaism and Hellenism in Antiquity: Conflict or Confluence?* Seattle; London: University of Washington Press, 1998. 227 p.

Schwartz, S. *Were the Jews a Mediterranean Society? Reciprocity and Solidarity in Ancient Judaism*. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2010. X, 212 p.

Textes d'auteurs grecs et latins relatifs au Juifs et Judaism, réunis, traduits et annotés par Théodore Reinach. Paris: Ernest Leroux, 1895. XXII, 376 p.